

ВЯЧЕСЛАВ
ПРАХ

ХОЛОДНЫЕ
ЖЕНЩИНЫ

Издательство АСТ
Москва

Не говорите об одной скорби для меня. У меня тысяча тысяч скорбей — нет, миллион миллионов, которые, как пламя, пылают в моем сердце и так глубоко сидят!

...чтобы писать с чувством, вы должны сами чувствовать

М. Корелли. Скорбь Сатаны

ПОБУЖДЕНИЕ

ОН

Дождливый январь. Нагие мы. Сигаретный дым. Отель. Седьмой этаж. Прикосновения — изучение. Прикосновения — благодарность за принятие. Прикосновения — огонь. Прикосновения — холод. Тихий город. Разбитое стекло стакана безопасного бездействия, задыхаешься оттого, что не дать, не получить. Мир — шире стакана. И этого осознания не приобрести, пока не разобьешь. Разбить трудно. Как и добровольно продолжить жить в стакане после того, как вылился из него.

Это пришло не сразу, прошло время.

Сейчас о нас с тобой, впервые встретившихся друг с другом.

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

Случается так, что нахожу себя питоном, которому необходимо сбросить старую кожу. Мне, как и ему, нужно на это время. Этот процесс — медленный, болезненный, энергозатратный. Он сопровождается усталостью, слабостью. Я подумал, что наша с тобой встреча произошла именно тогда.

Помню, как будто били молотком по левой груди — вот так стучало мое сердце, когда я сидел напротив стойки регистрации в отеле, ожидая тебя на диване, накинув на голову капюшон куртки. Ты с подругой подошла к стойке и бросила взгляд в мою сторону. Только в номере я узнал, что в этот момент ты мне улыбнулась. Я видел лишь твой силуэт — у меня плохое зрение; когда вожу авто, надеваю очки, вблизи вижу нормально. Даже не догадывался, что у меня такой пугающий взгляд, когда я всматриваюсь в человека.

Когда вы с ней ушли, я смог пошевелиться, до этого будто парализовало. Я шел в отель с полной уверенностью, что все пройдет спокойно, ведь когда я ехал в Берлин, то ощущал приятную легкость. Я сказал себе: «Пусть

ХОЛОДНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

лучше она волнуется за нас двоих, а я не буду». И только увидев тебя, я испытал то, что имеет ценность, я почувствовал себя максимально *живым* в моменте — через удары молотком. Да что там — молотком, как будто лопатой прилетело по левой груди — мощный удар, неожиданный удар. В этом был вкус первой встречи. Мне подумалось, хорошо, что ты с подружкой, возможно, я бы не сумел в этот момент подняться с места, чтобы стоя поприветствовать тебя. Спустя несколько минут после вашего с ней ухода ты написала сообщение, что подруга отправилась гулять по городу и ты осталась в номере одна. Я встал, расправил плечи и уверенным, твердым шагом направился в сторону лифта. Я был готов поцеловать тебя немедленно. Ты бы даже не узнала, какой удар я получил на первом этаже, глядя на тебя, стоящую у стойки регистрации. В такой момент кажется, что все присутствующие в зале — зрители твоего неботрясения. Я остановился у номера, спустя несколько секунд ты открыла дверь. Я не успел даже постучать — ты услышала звук лифта, остановившегося на твоём этаже, и мои шаги: ты стояла прямо за дверью

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

перед тем, как открыла. Я был готов. Я был решителен. Я бы впился в твои губы прямо с порога, если бы ты не сделала несколько шагов назад, к столу, увидев меня, смотрящего тебе прямо в глаза.

Я молча подошел к тебе и поцеловал в губы, ты ощутила мою дрожь.

Дрожи и целуй. Бойся и целуй.

«Мой средний палец пахнет женщиной», — сказал я тебе после того, как ты поднялась в номер второй раз, покинув меня после поцелуя. За время твоего отсутствия я успел принять душ, переодеться и даже немного полежать на нашей большой, широкой кровати. Я принял твои условия встречи — отель, который выбрала ты, отель у Виттенбергской площади. Седьмой этаж, номер «0712». Ты прилетела с подругой в Берлин ради того, чтобы сотворить историю со мной, и создала для семьи легенду. Ты ухватила за этот шанс встретиться со мной и провести вместе два дня, две ночи и почти целое утро. Я целовал тебя в губы, прижав к себе.

Я засовывал правую руку в нижнее белье, а левой — держал тебя за талию. Средним

ХОЛОДНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

пальцем входил в тебя, проводил им по набухшим губам. Я желал входить в тебя пальцем, целуя лицо, целуя шею и волосы, нюхая тебя всю, изучая, как ребенок изучает мир — твою кожу, твой парфюм. Можно сказать, я уже тобою обладал там, у стола, на котором были бутылка воды, два стакана, твоя жевательная резинка — ты жевала ее до того, как я вошел — и твой небольшой темный пакет с покупками. Мне не хотелось тебя отпускать — ты должна была выпорхнуть из рук моих к подруге и вернуться ко мне позднее, — а потому я прижимал тебя крепко к себе, целуя то нежно, медленно и спокойно, то сильно и жадно, будто это был не первый наш поцелуй в Берлине, а последний, прощальный. В конце концов я отпустил тебя, ослабил хватку — понюхал сам и дал тебе понюхать свой средний палец, который побывал в тебе.

Мне понравился наш первый поцелуй.

ОНА *(после встречи)*

Как интересно, мама и дочь говорят мне одно и то же: «Я впервые почувствовала пустоту оттого, что тебя нет». Дочь вчера мне сказала: «Всего три дня. Никогда раньше такого не было, когда ты уезжала. Тебя будто не было неделю, я сильно ощущала нехватку тебя». Она вчера не отлипала от меня — так голодный набрасывается на еду.

Видишь, как чувствуется подача энергии. Я эти два дня была полностью в тебе. Я сама для себя так определила, что все наше время я буду максимально с тобой. И как это сразу почувствовалось, когда я обделила собой родных. Как много всего, чего мы не видим.

ОН

Ты вернулась из душа — мы ни разу не принимали с тобой душ вместе — укрылась одеялом и села на подушку возле моей головы, глядя на меня. Ты прикасалась к моей голове, гладила мои волосы, моя голова лежала между твоими ногами. Твои прикосновения — снотворное, я закрыл глаза, поддавшись волне расслабления, кайфа. Исчез. Когда я проснулся, ты стояла возле входа в душевую, смотрела на себя в зеркало и поправляла волосы. Мне показалось, что я провалился в сон на несколько суток: не сразу понял, где я и что произошло. Я увидел тебя и медленно начал возвращаться в явь, вспоминая все, что было